

Решетников М.М.

Восточно-Европейский институт психоанализа, г. Санкт-Петербург

ТЕРРОРИЗМ В ЕВРОПЕ (Этнические проблемы социальной психологии)

Предлагается рассмотрение проблемы фанатизма и терроризма не как противоречие между Западом и Востоком, а как существующих в контексте нашей страны. Обосновывается необходимость профилактики и диалога с неактивными настроенными слоями общества

Введение

Несмотря на то, что прагматически ценного для преодоления интолерантности, фанатизма и терроризма предложено не так уж много, теорий в этой области более чем достаточно. При этом характерная особенность большинства из них состоит в том, что они разрабатываются на уровне здравого смысла, одновременно с этим апеллируя к явлениям, выходящим далеко за рамки обыденной жизни. Как представляется, и первый и второй подходы не вполне адекватны, ибо, когда мы переходим к понятию «фанатизм», то тем самым заведомо обозначаем, что обращаемся к сфере иррационального, а при более пристальном взгляде мы не можем не замечать, что те или иные социальные эквиваленты терроризма присутствуют повсеместно.

Исходная гипотеза

В 2003 году S. Twelmow и F. Sacco [1] высказали предположение, что социальный активизм, фанатизм и его переход в идеи мученичества и терроризма – это явления одного порядка, а иногда – и звенья одной цепи. Этими же авторами была предложена гипотеза о существовании неких «особых социальных факторов», ответственных за формирование террористов. Сформулированные идеи показались нам чрезвычайно интересными, но, большей частью оказались лишь провокативными. Тем не менее, они позволили кое-что додумать и переосмыслить то, что уже было в наших предшествующих разработках и публикациях [2, 3].

Немусульманский и немеждународный терроризм

Вероятно, будет излишним напомнить, что хотя мы справедливо говорим о международном терроризме, на территории собственных государств мы гораздо чаще сталкиваемся с фанатизмом и терроризмом своих же сограждан. На один крупный международный теракт приходится сотни «локальных». По сути, эти «два» вида терроризма отличаются только мас-

штабом угроз, жертв, требований и освещением в СМИ. Но мы почему-то не замечаем этих «параллелей». В результате наше продвижение к пониманию ряда социальных процессов явно тормозится тем, что мы все время чего-то не домысливаем и не договариваем.

Палестинизация Европы

Почему мы все время говорим только о мусульманском терроризме, и не ставим вопрос о повсеместном росте террористического мировоззрения и случаев террористического поведения в самых немусульманских странах? При этом иногда мы стыдливо подчеркиваем национальную принадлежность террористов, но одновременно «вытесняем», что речь идет именно о наших согражданах, родившихся, получивших образование и воспитание в нашей же добропорядочной среде (как это было в Англии). Речь идет как бы «не о совсем европейцах» или «не о совсем согражданах». Это что-то новое в нашем демократическом лексиконе. Особенно на фоне того, что по данным доклада Госдепартамента США 2002 года за последнее десятилетие почти треть (31%) всех террористических актов произошли на территории Европы, и эта ползучая экспансия пока не имеет тенденции к снижению. Почему?

Феномен «чегеваризма»

Общеизвестно, что террористы-фанатики – это преимущественно молодые люди. Но их террористическое мировоззрение не сформировалось в одночасье. Таким образом, мы должны предполагать, что предпосылки этого мировоззрения должны находиться где-то в подростковом периоде, когда все мы (после предшествующего периода идентификации с родителями) переживаем «кризис переоценки и самоутверждения» со склонностью подвергать сомнению все устоявшиеся нормы и правила в сочетании с юношеской агрессивностью.

При нахождении в здоровом социуме этой естественной психологической потребности

противостоит консолидированная позиция взрослого большинства (и стабильное государство, как одна из важнейших «родительских структур»), и постепенно новое поколение становится социально более адаптивным. Но ситуация принципиально меняется, когда и это (взрослое) большинство оказывается в состоянии «кризиса переоценки», «пересмотра всех устоявшихся норм и правил» и т. д., что характерно не только для всего бывшего «социалистического лагеря», но и для *всего мира, который входит в новую эпоху и переживает системный кризис смены парадигмы развития одновременно со сменой национальной и религиозной составляющих европейской популяции*. В этой ситуации естественная (возрастная) агрессивность одних не только не встречает адекватного противодействия, но и катализируется ситуационной агрессивностью старшего поколения (и уходящей и приходящей популяции). Как известно, мы, европейцы составляем около 30% мировой популяции, и по некоторым прогнозам к концу XXI века нас будет не более 15-20%. И это надо принять.

Еще один далеко не праздный вопрос: почему кумиром множества социальных активистов самого различного толка и террористов (одновременно) стал фактически один человек: сын плантатора, в 12 лет впервые выступивший против унижения школьным учителем, затем – врач по образованию и, по моим представлениям, безусловно, террорист, который на всех мировых сайтах характеризуется как «человек высокой душевной чистоты и беспримерной самоотверженности»? Это именно тот социальный образец, которому следует подражать? И есть ли в молодежной среде социальных активистов у него достойные конкуренты?

Российский и будущие примеры «развитых демократий»

Мной уже не раз обосновывалось, что все современные демократии находятся в затяжном периоде «стагнации» [4, 5], хотя эти процессы в западном мире пока не слишком очевидны. Поэтому обратимся к более «динамичному» примеру, а точнее – российскому опыту.

Привнесенная демократия (с немедленно гарантированными Конституцией всеми правами и свободами), при отсутствии демократической традиции и сохранении тоталитарного типа самосознания социума, создает особую «питательную среду» для размножения вируса интолерантности и терроризма. В кратком вариан-

те это трудно обосновать, но, безусловно, особо подверженной заражению этим вирусом оказывается категория уже упомянутых социальных активистов (во всяком случае, никто не заподозрит в террористе «пассивную личность»). Аналогичные процессы идут и закономерно будут «развиваться» во всех, прежде всего – «нетрадиционных», а затем – и в традиционных «демократиях», где все еще существует иллюзия о том, что их (или наши общие – европейские) демократические ценности всем сердцем будут восприняты всеми слоями эмигрантов с Востока и Юга. Ирак или Англия – далеко не последние примеры. А если не воспримут? Что будем делать?

Главные инвесторы терроризма

Вернемся к внутренним вопросам. Если культура, социум или наличная власть не принимает, не обсуждает или исходно отвергает идеалы обиженного или даже просто – потенциального социального активиста, он легко может трансформироваться в социального фанатика. Мы видим, что в 2004-2005 именно молодежь в ряде новых стран, образовавшихся после распада СССР, оказалась основной силой социальных взрывов и катаклизмов. Как представляется, из этого опыта еще не сделано должных выводов. Особенно с учетом неоднозначности подходов и оценок: победившие социальные активисты обычно провозглашаются героями, а побежденные – чаще всего преступниками.

Неочевидная легитимность современной модели европейских государств

Мы почему-то упорно не хотим замечать, что не только на постсоветском пространстве или в афро-азиатском регионе, а везде в мире наблюдается кризис легитимности государственной власти и ее институтов. Нами уже не раз поднимался этот вопрос, и здесь мы предложили только еще одно объяснение. Перед каждой личностью появилось слишком много угроз: экологического, техногенного, социального и криминального происхождения, от которых власть не может защитить (а точнее – от которых и она сама оказалась беззащитной). В связи с этим граждане постепенно «переориентируют» свою лояльность на другие общественные институты: этнические группы, расы, религии и т. д. (вплоть до сплоченности футбольных фанатов, находящихся в ней иллюзию защищенности и силы, и – одновременно – канал, позволяющий дать выход агрессии). Государ-

ство, в свою очередь, усиливает свой прессинг и контроль над «плохими гражданами», а те в ответ начинают противодействовать этому контролю и прессингу.

Священная корова

Нельзя не замечать и другого: на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах, граждане чувствуют себя все более незащищенными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам населения, то получится следующий (мягко говоря – мало приятный) вывод: государство еще может кого-то наказать, но в ряде случаев и ситуаций оно уже почти никого не может защитить, включая депутатов, мэров, банкиров, олигархов, губернаторов и президентов, которых убивают десятками каждый год (что уж там о простых гражданах в метро). И как Вам такое государственное устройство? И все равно – никто даже не заикается о кризисе демократии – «священная корова». Для кого?

Простейшие наблюдения показывают, что во многих странах обнаруживается тенденция некоего злорадства в отношении ослабления государства, его институтов и лидеров, со склонностью винить во всех смертных грехах последних. Это вряд ли рационально. Известное выражение: «Государство – это я», – не более чем красивая фраза. Государство – это мы. И когда оно страдает, мы все – не в лучшем положении. Это повод для серьезных размышлений, а также для поиска и последовательного развития новых форм кооперативных отношений государства и граждан.

Ключевой вопрос

Ключевым вопросом для любого культурного сообщества (тем более – для многонационального и поликонфессионального, каковым сейчас становится вся Европа) является то: как, куда, кем и каким образом направляется, модулируется и контролируется нормальная социальная активность (в том числе – оппозиционного регистра) и нормальная социальная агрессивность? Еще раз повторю: этот вопрос является ключевым. Так как, если не происходит адекватной разрядки вышеупомянутых потребностей на социально значимые цели (а сама потребность, также как и потребность в ее реализации остается), они легко маргинализируются и принимают иные формы – вплоть до патологических проявлений в форме узко национального «идейного единства», или агрессив-

ности и фанатизма малых (но не таких уж малых) групп или даже «протестов» одиночек. Ни для кого не секрет, что национальная идея является самой мощной для идентификации и консолидации, и неуничтожимой. В постнацистский период мы (ученые) стыдливо отмежевались от национальных вопросов, как от неприличных, как будто нацизм – это единственный вариант их решения, но они не исчезли. И есть масса достойных вариантов их решения.

Мы почему-то не замечаем, что живем в обществах, где агрессивность поощряется, и даже более того, низкий уровень агрессивности, как индивидуальная или национальная черта, в некоторых случаях подается как негативное качество (например, в известных фразах «о горячих эстонских или финских парнях»). Много ли исследований на эту тему?

Терроризм – это следствие чего?

Вернемся к главному вопросу: будущее поколения и тому, на основе чего и как формируется «террористическое мировоззрение»?

К сожалению, у нас нет статистики и серьезных психологических исследований социального терроризма подростков, который буквально захлестнул Россию после первых терактов. Но наши американские коллеги, уделившие звонкам о минировании школ и убийствам, совершенных подростками в период после сентября 2001, более пристальное внимание, в большинстве случаев обнаружили, что ведущими мотивами «малолетних террористов» являлись: протест против давления властных структур (собственных – юношеских организаций или преподавательских сообществ) и обесценивание человеческих отношений. Разве не те же факторы (даже на вскидку) проявляются в расстрелах сослуживцев в армейской среде? Еще раз повторим: протест против давления властных структур и обесценивания человеческих отношений принимал самые различные формы – от, казалось бы, безобидных, до поражающих своей жестокостью. При одних и тех же побуждающих мотивах. С этой точки зрения уместно задать еще один вопрос: так ли уж сильно отличаются анонимный звонок о мнимом минировании школы от расстрела одноклассников или массового захвата заложников? Количественные ли это отличия или качественные (с точки зрения мотивов преступления и способствовавших ему факторов)?

В данном случае мы не говорим о противодействии терроризму – те, кто стали на этот

путь и уже запятнали себя кровью, вряд ли повернут назад. – Ничто не внушает такого оптимизма. Но можно ли предложить какие-либо механизмы профилактики развития террористического мировоззрения и следующего за ним действия? В обществе существует достаточно широко распространенная точка зрения, что «терроризм – это следствие деятельности террористов». Не заблуждение ли это? И даже если принять эту точку зрения, как верную, то тогда возникает второй вопрос: а следствием чего является появление самих террористов и террористического мировоззрения?

Вместо заключения

И последнее. Мы легко находим лидеров террористов, с которыми оказывается можно вести переговоры, когда захваченными оказываются известные журналисты или общественные деятели. Повторю, мы находим в этих случаях и влиятельных лидеров террористов, и нужные слова, и убедительные аргументы. Почему бы не говорить с ними чаще? Может быть, мы имеем дело с двумя подобными параноями – с их, и с нашей стороны? Нам есть над чем подумать. Особенно, если сохранять надежду, что в нашем далеко не простом мире мы обречены не на конфронтацию, а на диалог и понимание.

Список использованной литературы:

1. Twemlow S.W. & Sacco F.C. Reflections on the Making of a Terrorists / In the book: Terrorism and War, Edited by V.Volcan, 2003. – P. 97-123.
2. Решетников М.М. «Глобализация – самый общий взгляд» и «Исламское противостояние и проблема терроризма». В кн.: Решетников М.М. «Психодинамика и психотерапия депрессий» – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2003. – С. 107-155.
3. Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) / В кн.: «Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора». – Материалы 1-ой Всероссийской конференции. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. – С. 37-64.
4. Решетников М.М. Современная демократия: тенденции, противоречия, исторические иллюзии. В кн. Психология власти. Материалы международной конференции «Психология власти» / Под. ред. проф. А.И.Юрьева. – СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2004. – С. 68-76.
5. Решетников М.М. Демократия, терроризм и гражданское общество: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Журн. «Телескоп» №6-2004. –С. 2-6.